

ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПЬЕРА БУРДЬЕ. СОЦИАЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ СИМВОЛИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

В мае 2004 года в Москве состоялись Чтения памяти Пьера Бурдьё. Они были организованы Сектором структурно-генетического социоанализа Института социологии РАН при поддержке Дома наук о человеке (Париж) и Французско-русского центра гуманитарных наук (Москва). Участниками стали исследователи, чья научная работа связана тем или иным образом с концепцией известного французского социолога.

На обсуждение были вынесены следующие положения.

Объяснять социальное через социальное — таков, согласно Э. Дюркгейму, императив социальной науки. Он тем более применим к области смыслов, что сами производители символической продукции склонны ее мистифицировать, выводя за рамки научного анализа. Во многом этому способствовало повальное увлечение самих исследователей «постмодернизмами» и «постструктурализмами» различного толка. Бурное развитие маркетинга и разного рода «экспертных сообществ», обслуживающих символические производства, отнюдь не решает проблемы рационального познания тенденций этих производств. Если 1960-е гг. характеризовались активным развитием социологии науки, СМИ, литературы, то на рубеже тысячелетий наблюдается определенный «спад волны». Поэтому сегодня социологический анализ символического производства актуален как никогда ранее.

Делая символическую сферу предметом своего исследования, социальная наука представляет ее реляционно, как совокупность отношений по поводу производства смыслов. Ансамбль таких социальных отношений называется символическим производством. Примерами такого производства могут служить поле науки, поле литературы, поле СМИ. Каждое символическое производство может быть описано при помощи совокупности как минимум двух систем отношений: социальных и символических. Эти системы отношений концептуализируются в качестве социальных и смысловых структур.

Идея структуры, вышедшая из моды после 1968 г., сохраняет, тем не менее, свое научное значение. Для нас одним из кардинальных свойств социального мира выступает его упорядоченность, структурированность всех явлений. Однако в отличие от структурализма, мы не считаем структуры «операциональными системами» или чем-то полностью объективным и безличным. Утверждая существование структур, лежащих в основе всех взаимодействий и социальных представлений, мы акцентируем внимание на их социальном генезисе, их воспроизводстве/производстве, реализуемом практиками агентов. «Структура» выступает концептуальной рамкой (frame) социальной науки, задавая соотношение смысл/бессмыслица. Иначе говоря, все осмысленные научные суждения эксплицитно или

имплицитно соотнесены с так или иначе понимаемым концептом «структура», поскольку о Хаосе ученый ничего сообщить не может.

Говоря о символическом производстве, социальная наука в первую очередь имеет в виду социальные структуры, которые обуславливают практики по созданию, распределению и потреблению символических благ. Поскольку эти практики структурно детерминированы, постольку их продукты — социальные представления в широком смысле — также наделены структурой. *Эта структура социальных отношений, на эмпирическом уровне проявляющаяся как смысловая структура, и есть второй главный предмет нашего обсуждения.* При этом смысловая структура не есть порождающий механизм, трансцендентальное или действующее основание конкретных смыслов, функционирующих в символическом производстве. Скорее, смысловая структура предстает в качестве системы динамических инвариантов, присущих множеству эмпирически фиксируемых смыслов, которые создаются исторически конкретным символическим производством. Она может быть концептуализирована как ансамбль устойчивых узлов в изменчивой сети смысловых отношений, существующих в продукции символического производства.

Уже в силу своего происхождения, смысловая структура символического производства обусловлена его социальной структурой. Однако это самое первое и потому самое абстрактное утверждение. Здесь перед социальной наукой встанут несколько вопросов, на которые нельзя ответить *a priori*.

Первый вопрос. Социальная структура символического производства, не переставая быть именно структурой, не может быть однородной. Неоднородность социальной структуры должна проявляться, в частности, в том, что в разных ее подсистемах действуют разные детерминации, а одни и те же детерминации действуют с неодинаковой силой. Отсюда можно предположить, что позиции символического производства весьма дифференцированно соотносятся с различными подсистемами смысловой структуры. Как можно описать это гетерогенное отношение структур?

Второй вопрос. Для каждого исторически конкретного символического производства существует своя определенная мера автономии. Это означает, что никакое символическое производство: литература, наука, СМИ и т. д., — никогда не бывает абсолютно свободно от внешних (политических, экономических, религиозных и пр.) воздействий. Как влияет соотношение автономия/гетерономия на социальную и смысловую структуры символического производства, а также на связь между ними?

Третий вопрос. Социальная структура символического производства организована иерархично: в ней есть доминирующие и доминируемые позиции. Аналогичным образом обстоит и в случае смысловой структуры. Но всегда ли смыслы, производимые доминирующей позицией, сами являются доминирующими? Как соотносятся социальное и смысловое доминирование в символическом производстве?

Представленные в настоящем номере журнала статьи участников чтений стали попыткой ответить на три поставленных выше перспективных вопроса и показать тот вклад, который может дать социологическая концепция Пьера Бурдьё для развития социальной науки.

Н.А. Шматко